

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

REGIONAL ISSUES OF WORLD POLITICS

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-105-130

Научная статья / Research paper

Е.С. Мелкумян*

ИЗМЕНЕНИЕ ПОДХОДОВ СОВЕТА СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ЗАЛИВА К ПРОБЛЕМАМ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСЛЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт востоковедения Российской академии наук»
107031, Москва, ул. Рождественка, 1*

Болезненные политические, экономические и социальные потрясения, вызванные событиями «арабской весны», поставили властные элиты государств Ближнего Востока перед необходимостью переосмыслить традиционные подходы к поддержанию стабильности и безопасности в регионе. Это обстоятельство не могло не отразиться на деятельности Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), который изначально преследовал цель способствовать укреплению взаимодействия между странами региона в сфере безопасности. В данной статье предпринимается попытка выявить ключевые события, факторы и тенденции, которые влияли на деятельность ССАГЗ в этом направлении в течение 10 лет с момента начала «арабской весны». Показано, что «арабское пробуждение» подтолкнуло государства — члены ССАГЗ к углублению военно-политической интеграции, призванной повысить оборонный потенциал стран региона и их возможности в отражении внешних и внутренних угроз. Среди этих угроз первое место по-прежнему отводится Ирану. Более того, как отмечает автор, в условиях активизации его политики на Ближнем Востоке ССАГЗ начинает занимать всё более жесткую позицию в отношении этой страны. Тегеран открыто обвиняется во вмешательстве во внутренние дела госу-

* Мелкумян Елена Суменовна — доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (e-mail: g.kosach@mail.ru).

дарств — членов ССАГЗ, поддержке незаконных шиитских группировок, действующих на их территории, разжигании межконфессиональной розни. В этом контексте особую озабоченность ССАГЗ вполне предсказуемо вызывает иранская ядерная программа. При этом автор отмечает, что хотя позиция Совета сотрудничества в отношении Ирана была и остается единой, подходы отдельных стран-членов к ее практической реализации подчас достаточно существенно различались. В частности, против чрезмерно жесткой политики в этой сфере выступал Катар. Это обстоятельство, а также обвинения Дохи в поддержке террористических и экстремистских группировок привели к двум кризисам, потрясшим ССАГЗ в 2010-е годы. Тот факт, что в конце концов эти кризисы были преодолены, показывает, по мнению автора, что вопросы обеспечения региональной безопасности объективно требуют укрепления единства Совета сотрудничества. Тем более когда к угрозам военного характера добавилась угроза распространения SARS-CoV-2. Автор заключает, что начало пандемии, которое уже поставило перед ССАГЗ задачу укрепления сотрудничества в сфере здравоохранения, будет способствовать усилению внимания со стороны государств-членов к различным невоенным вызовам безопасности, в том числе эпидемиологическим и экологическим.

Ключевые слова: Совет сотрудничества арабских государств Залива, ССАГЗ, региональная безопасность, Иран, иранская ядерная программа, Катарский кризис, терроризм, пандемия SARS-CoV-2.

Для цитирования: Мелкумян Е.С. Изменение подходов Совета сотрудничества арабских государств Залива к проблемам безопасности после «арабской весны» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 4. С. 105–130. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-105-130.

Elena S. Melkumyan

THE EVOLUTION OF THE GULF COOPERATION COUNCIL APPROACHES TO SECURITY ISSUES AFTER THE ARAB SPRING

*Institute of Oriental Studies
12 Rozhdestvenka str, Moscow, 107031*

The painful consequences of political, economic and social shocks provoked by the Arab Spring forced the political elites of the Middle Eastern states to

revisit traditional approaches to maintaining stability and security in the region. This inevitably affected the activities of the Gulf Cooperation Council, which was from the outset established in order to enhance cooperation between the countries of the region primarily in the field of security. This paper attempts to identify the key milestones, factors and trends that have shaped the GCC decision-making process in the security sphere over the past 10 years since the beginning of the Arab Spring. The author shows that the Arab Awakening has encouraged the GCC member-states to deepen military-political integration, aimed at strengthening their defense capabilities, as well as their abilities to respond to external and internal challenges. The author notes that the GCC countries still view Iran as the main source of all these threats; moreover, considering substantial strengthening of Iran's influence in the Middle East their position has even hardened. Tehran is accused of meddling in the internal affairs of the GCC member-states, supporting illegal Shiite groups operating on their territory, and instigating religious discord. In this context, it is quite natural that the Iran's nuclear programme is of particular concern to the GCC. At the same time, the author emphasizes, that although the GCC member-states declare common approach towards Iran, their practical actions can vary significantly. In particular, it was Qatar which opposed an excessively hard-line approach towards Iran. This fact, as well as accusations against Doha of supporting terrorist and extremist groups, led to two crises that shook the GCC in the 2010s. However, the fact that these crises have been eventually settled shows that security issues still press regional actors towards strengthening the capacities of the GCC. Especially since military threats have been compounded by a new threat — of the outbreak of the SARS-CoV-2 pandemic. The author concludes that this new threat, which has already incited the GCC to promote cooperation in a health sector, will also strengthen the member-states' focus on various nonmilitary challenges including epidemiological and environmental ones.

Keywords: Cooperation Council for the Arab States of the Gulf, GCC, regional security, Iran, Iran's nuclear programme, Qatar diplomatic crisis, terrorism, SARS-CoV-2 pandemic.

About the author: *Elena S. Melkumyan* — Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Leading Research Fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: g.kosach@mail.ru).

For citation: Melkumyan E.S. 2021. The evolution of the Gulf Cooperation Council approaches to security issues after the Arab Spring. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 4, pp. 105–130. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-105-130. (In Russ.)

Массовые народные протесты, которые проходили в арабских странах в 2011 г., получили название «арабская весна», или «арабское пробуждение»¹. Масштабы этой протестной активности значительно различались, а ее результаты не были однозначными. В некоторых странах удалось добиться позитивных изменений, однако государства, где власть пошла на открытую конфронтацию с протестующими, применяла против них военную силу и репрессии, стали ареной гражданских войн. Это серьезно дестабилизировало региональную ситуацию. В сложившихся условиях Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) — организация, ставившая своей целью поддержание стабильности в регионе, — активизировал свою деятельность, направленную на обеспечение безопасности.

Арабские государства — члены ССАГЗ не были в значительной степени затронуты «арабской весной». Исключением стал только Бахрейн, где протесты носили массовый характер и привели к серьезным столкновениям населения со стражами порядка. Однако и в Бахрейне, где против участников протестов была применена сила, власть была готова идти на компромиссы и инициировала проведение национального диалога. В Кувейте митингующие смогли добиться выполнения их основного требования — отставки премьер-министра, которого они обвинили в коррупции. В ходе протестов было сформировано объединение «Долой взяточников и взятокдателей» (*Искаф ар-раши ва аль-мурташи*) [Мелкумян, 2016: 385]. Требование о борьбе с коррупцией выдвигалось участниками массовых протестов во многих арабских странах.

В Омане выступления преследовали преимущественно экономические цели, и действия власти, направленные на улучшение материального положения граждан, привели к быстрому урегулированию внутривосточной ситуации.

В Саудовской Аравии одна из молодежных группировок предприняла попытку организовать демонстрацию, но «против Объединения свободной молодежи была мобилизована машина государственной пропаганды — от муфтиев мечетей, произносивших гневные проповеди против тех, кто пытался сеять “рознь и мятежи”, до “мыслителей и писателей нации” — авторов ведущих саудовских изданий,

¹ Косач Г.Г. «Арабская весна», подъем исламистских движений и изменения в системе арабских международных отношений: Доклад аналитиков Совета сотрудничества // Институт Ближнего Востока. 02.09.2012. Доступ: <http://www.iimes.ru/?p=15424> (дата обращения: 20.09.2021).

говоривших о “недопустимости нападков на поэтапный реформаторский курс” короля» [Косач, 2012: 359]. Волнения шиитов в Восточной провинции не приняли масштабного характера.

В ОАЭ массовых протестов не произошло, однако в марте 2011 г. в правительство была направлена петиция, подписанная 160 интеллектуалами, предлагавшими превратить Федеральный Национальный совет в полноценный парламент по европейскому образцу, в котором все депутаты были бы избираемы. Власть пыталась предотвратить возможные выступления, сочетая репрессивные меры с шагами, направленными на повышение уровня жизни населения².

В Катаре, где не существовало общественно-политических объединений и в целом политизация общества не достигла высокого уровня, протестные акции не проводились.

Несмотря на то что арабские монархии — члены ССАГЗ смогли продемонстрировать стабильность своей политической системы перед лицом «арабской весны», она вызвала опасения властных элит в отношении ее возможного воздействия на ситуацию в этих странах и заставила их консолидировать свои усилия, направленные на укрепление региональной и национальной безопасности. Актуальность исследования новых подходов ССАГЗ к указанной проблеме определяется тем, что государства — члены этой организации, заинтересованные в сохранении своих правящих режимов, вносят значительный вклад в создание архитектуры региональной безопасности.

Теоретико-методологической основой исследования послужили две концепции — «сообществ безопасности» и «дилеммы безопасности». Первая предполагает, что между однотипными государствами, относящимися к единому геополитическому региону, которых объединяют общие интересы, с большей вероятностью могут сложиться миролюбивые отношения, и это гарантирует сохранение региональной стабильности. Данная концепция получила подробное освещение в работе Э. Адлера и М. Барнетта [Adler, Barnett, 1998].

Концепция «дилеммы безопасности» также широко распространена в научных кругах. Ее разрабатывали представители школы неореализма, которые считали, что в условиях анархии, царящей в

² Katzman K. The United Arab Emirates (UAE): Issues for US policy // Congressional Research Service. Report for Congress. 15.04.2021. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/RS/RS21852> (accessed: 04.09.2021).

мире, каждое государство стремится к реализации своих интересов и подчинению более слабых стран. Американские политологи ввели понятие «дилемма безопасности» в 50-е годы XX в. [Butterfield, 1951; Herz, 1951]. В дальнейшем были опубликованы работы, в которых данная концепция получила развитие, среди них заслуживают внимания монография Роберта Джервиса [Jervis, 1976] и статья Чарльза Гласера [Glaser, 1997]. Речь шла о том, что «меры, принимаемые одной стороной для ее собственной безопасности, могут нередко угрожать или восприниматься в качестве угрозы другой стороной», порождая ответную реакцию и приводя лишь к общему росту напряженности [Tang, 2009: 594].

Указанные концепции дают возможность более углубленно анализировать структуру безопасности в регионе Залива.

Вместе с тем следует отметить, что сама эта проблематика, несмотря на явную актуальность, не получила должного освещения в литературе. Коллективная монография, изданная Сиракузским университетом в 2011 г., дает представление о концептуальных установках ССАГЗ в 1980–1990-е годы [The international politics of the Persian Gulf, 2011]. Однако новые подходы к обеспечению безопасности, вызванные трансформацией региональных отношений и ростом региональной напряженности, не могли быть в ней отражены, так как она была опубликована до того, как эти процессы получили развитие. В то же время некоторые ее разделы представляют несомненный интерес, так как в них содержится анализ фундаментальных особенностей региональных отношений и сложившейся в регионе Залива «дилеммы безопасности».

В статье Г.Г. Косача и Е.С. Мелкумян «Совет сотрудничества арабских государств Залива как региональная военно-политическая организация» проанализированы концепции обеспечения безопасности и военное сотрудничество, осуществлявшееся ССАГЗ с момента его создания в 1981 г. вплоть до 2011 г. [Косач, Мелкумян, 2012].

Среди работ, посвященных восприятию Советом проблем безопасности после «арабской весны», необходимо отметить статью Энтони Кордесмана³. Автор концентрируется на военных аспектах безопасности, считая, что ее обеспечение целиком зависит от США,

³ Cordesman A.H. Gulf security: Looking beyond the Gulf Cooperation Council // Center for Strategic and International Studies. 12.12.2017. Available at: <https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep23301.pdf> (accessed: 20.09.2021).

поэтому он анализирует данные об американских военных поставках и других формах военной помощи, оказываемой Вашингтоном государствам — членам ССАГЗ.

Наконец, заслуживает внимания статья Ахмеда Абозаида, в которой автор рассматривает новую региональную динамику и структуру безопасности, возникшие в регионе Ближнего Востока, а также в субрегиональной системе Залива после «арабской весны» [Abozaid, 2020].

Эволюция подходов ССАГЗ к обеспечению региональной безопасности

Цели сохранения стабильности и обеспечения безопасности лежали в основе создания Совета сотрудничества и направляли его деятельность на протяжении всего периода его существования. При этом подходы к обеспечению безопасности менялись под влиянием событий регионального и глобального характера. Возникнув в 1981 г., в период сотрясавшей регион Залива ирано-иракской войны, усилившейся конфронтации между СССР и США после ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. и последовавшего за тем усиления американского военного присутствия в регионе, новое объединение призвано было служить координированию усилий государств-членов для противодействия всем этим угрозам. Концептуальные основы деятельности по обеспечению безопасности были четко сформулированы уже в первых документах ССАГЗ [Мелкумян, 2019].

Как было заявлено на совещании министров внутренних дел в Эр-Рияде в феврале 1982 г., «безопасность Залива — неразделима, агрессия против одного из государств-членов является агрессией против всех государств Совета, все государства Совета несут коллективную ответственность за отражение агрессии против государства-члена»⁴. Этот принцип «коллективной системы безопасности» определил политику партнеров Кувейта, когда в августе 1990 г. он стал объектом агрессии со стороны Ирака, оккупировавшего соседнее арабское государство под предлогом того, что во времена Османской импе-

⁴ Муатамар вузара дахилийя дувваль Маджлис ат-таавун [Совещание министров внутренних дел государств Совета сотрудничества] // Васаик Маджлис ат-таавун ли дувваль аль-Халидж аль-арабийя [Документы Совета сотрудничества арабских государств Залива]. Доха: Визара аль-ибаляя ли Дауля Катар, 1983. Т. 1. С. 283.

рии Кувейт был частью вилайета Басры, позднее ставшего частью Иракской Республики. Все члены Совета выразили солидарность с Кувейтом и оказали ему помощь.

Военное сотрудничество между государствами ССАГЗ развивалось на основе принятого ими принципа «опоры на собственные силы». Проведение совместных маневров и учений, а также стандартизация вооружения должны были решить задачу укрепления боеспособности их армий. Для обороны территории стран-членов были созданы совместные вооруженные силы «Щит полуострова». Их численность на первом этапе была незначительной, не было также единого командования, не были урегулированы вопросы подготовки кадров и закупки вооружения. Эти контингенты предполагалось использовать «для защиты любой страны Залива совместно с ее вооруженными силами». Они должны были стать прообразом «сил быстрого развертывания» не для «вмешательства во внутренние дела государств», «а для отражения угроз или внешней агрессии» [Kingdom of Saudi Arabia, 2002: 106].

Впрочем, следует отметить, что вооруженные формирования «Щит полуострова» не могли в полной мере выполнять возложенные на них задачи. Их создание имело скорее символическое значение, как показатель развития военного сотрудничества в рамках ССАГЗ. Наиболее известным фактом практического использования этих формирований был их ввод на территорию Бахрейна в марте 2011 г. во время роста внутривосточной напряженности, вызванной радикализацией политических сил, участвовавших в массовых антиправительственных протестах. В официальном заявлении бахрейнского правительства в этой связи говорилось, что «печальные события, которые произошли в Королевстве Бахрейн, привели к нарушению его безопасности, а также безопасности его граждан и проживающих на его территории граждан других государств». Подчеркивалось, что это решение «опиралось на принцип единства судьбы государств — членов ССАГЗ и их коллективной ответственности за поддержание безопасности и стабильности, так как безопасность государств Совета сотрудничества неразделима»⁵. Этот подход неоднократно был отражен в документах ССАГЗ.

⁵ Аль-Бахрейн туалин истианатиха би кувват Дара аль-джазира ли аль-хифаз аля амн ва аль-истикрар [Бахрейн заявляет об использовании сил «Щит полуострова» для поддержания безопасности и стабильности] // Аш-Шарк Аль-Аусат. 15.03.2011.

Своеобразным признанием, что «Щит полуострова» не оправдал возложенных на него надежд, может служить тот факт, что после агрессии Ирака в отношении Кувейта в августе 1990 г. и последовавшей затем вооруженной операции по его освобождению силами многонациональной коалиции, возглавлявшейся США, в январе–феврале 1991 г. подходы ССАГЗ к обеспечению безопасности были дополнены акцентом на расширение военного сотрудничества с внерегиональными союзниками.

Взаимодействие с Вашингтоном в области обеспечения региональной безопасности было еще больше интенсифицировано после «арабской весны». Получили дальнейшее развитие и военные связи с НАТО. На прошедшей в декабре 2014 г. в Дохе конференции «НАТО и безопасность Залива» основное внимание было уделено борьбе с терроризмом как главной угрозой региональной и глобальной безопасности. Генеральный секретарь ССАГЗ Абдель Латыф аз-Зияни в своей речи подчеркнул, что «для отражения угроз безопасности необходимо создать единый фронт, объединяющий всех союзников и друзей, которые доверяют друг другу». Государственный министр Катара по вопросам обороны отметил, что «у государств Залива и НАТО общие интересы»⁶. Решения, принятые на конференции, послужили дальнейшему развитию взаимодействия между ССАГЗ и НАТО по вопросам обеспечения безопасности в регионе Залива.

Впрочем, проблема противодействия терроризму давно находится в центре внимания лидеров Совета сотрудничества, которые в 2001 г. заявили о присоединении к международной кампании по борьбе с терроризмом, а в 2004 г. подписали соглашение о совместной борьбе с терроризмом, для реализации которого была создана специальная антитеррористическая комиссия⁷.

Решениями саммита ССАГЗ в Эр-Рияде в декабре 2018 г. было расширено сотрудничество в военной сфере: введен пост команду-

Доступ: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&&issueno=11795&article=612577> (дата обращения: 20.09.2021).

⁶ Иттифак Атласий-халиджий ли химаат тадаффук ан-нафт [Соглашение НАТО–Залив для защиты поставок нефти] // Аль-Хайят. 12.12.2014. Доступ: <http://alhayat.com/Articles/6205328> (дата обращения: 20.10.2021).

⁷ Secretariat general of the Gulf Cooperation Council. Achievements. Fourth: Cooperation in the field of counter-terrorism. Available at: <https://www.gcc-sg.org/en-us/CooperationAndAchievements/Achievements/SecurityCooperation/Achievements/Pages/FourthCooperationinthefieldofc.aspx> (accessed: 08.09.2021).

ющего единым военным командованием Совета, что должно было способствовать активизации деятельности последнего. Было также решено создать военную академию ССАГЗ по подготовке военных кадров высшего звена, что должно было помочь эффективной работе единого командования на основе продуманной общей стратегии⁸.

По результатам саммита глав государств — членов ССАГЗ, проходившего в Саудовской Аравии в городе аль-Уле в январе 2021 г., военное сотрудничество вновь было расширено. Изменение названия «Единое командование объединенных сил “Щит полуострова”» на «Объединенное военное командование государств Совета сотрудничества» означало повышение уровня интеграции в военной сфере⁹.

Укрепление оборонных возможностей ССАГЗ рассматривается как одно из условий обеспечения его безопасности и отражения военно-политических угроз, среди которых первое место отводится терроризму.

Члены объединения придерживаются твердой позиции в отношении террористических и экстремистских организаций любого толка и последовательно проводят курс, направленный на противодействие им, в том числе через блокирование источников их финансирования. Государства ССАГЗ обвиняют Тегеран в поддержке террористических группировок, поэтому иранская угроза нередко рассматривается в контексте борьбы с экстремистскими и террористическими организациями.

Обострение иранской угрозы

В условиях активизации иранской политики ССАГЗ в регионе Ближнего Востока, которая сопровождается обвинениями Тегерана в оказании поддержки антиправительственным группировкам и вмешательстве в конфликтные ситуации в арабских странах Залива, государства Совета сотрудничества стали рассматривать ИРИ как главную угрозу региональной безопасности. Отношения членов

⁸ Иаян Эр-Рияд: аль-хифаз аля кувват маджлис ат-тааун ва вахдат ас-сафф бейна а’адаих [Декларация Эр-Рияда: защита мощи Совета сотрудничества и единства рядов его членов] // аш-Шарк Аль-Аусат. 10.12.2018. Доступ: <https://aawsat.com/print/1497546> (дата обращения: 20.10.2021).

⁹ Насс аль-баян аль-хитами аль-садыр ан аль кимма аль хадиджийя фи Аль-Ула [Текст заключительной декларации саммита ССАГЗ в аль-Уле] // аш-Шарк Аль-Аусат. 05.01.2021. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/2723681> (дата обращения: 10.09.2021).

ССАГЗ с Ираном были напряженными и в первые годы после создания организации, но тогда официальных обвинений в его адрес в том, что его политика ведет к дестабилизации ситуации в регионе Залива, а также представляет угрозу для национальной безопасности стран Совета, не звучало. Положение изменилось после начала массовых протестов в Бахрейне в 2011 г., когда наиболее радикальные шиитские группировки выступили против правящего режима за создание исламской республики. Власти Бахрейна обвинили Иран в подстрекательской деятельности. Несмотря на попытки иранского президента Х. Рухани, пришедшего к власти в августе 2013 г., наладить сотрудничество со странами Залива, бахрейнская позиция не изменилась. Министр иностранных дел страны Халед бен Ахмед Аль Халифа, выступая на заседании Манаامского диалога в декабре 2014 г., отметил продолжающееся вмешательство Тегерана во внутренние дела государств региона. Он подчеркнул: «Региональная архитектура безопасности, включающая все региональные государства, никогда не будет создана, пока Иран будет продолжать свою политическую линию»¹⁰.

Участившиеся обвинения ИРИ в спонсировании антиправительственных экстремистских организаций в шиитской среде государств ССАГЗ, а также в снабжении их оружием привели к дальнейшему ужесточению позиции государств — членов объединения.

В 2016 г. Саудовская Аравия разорвала дипломатические отношения с ИРИ. Причиной, как отмечают эксперты, стали опасения, что «Иран не мог не отреагировать остро на казнь шиитского духовного лица Нимра ан-Нимра в Саудовской Аравии» [Кожанов, 2020: 242]. Антисаудовские протесты, организованные в Исламской Республике, были восприняты в саудовском королевстве как недопустимое вмешательство в его внутренние дела. Другие члены Совета сотрудничества поддержали Саудовскую Аравию, разорвав с Ираном дипломатические отношения, как Бахрейн, или понизив уровень своего дипломатического представительства (Доха восстановила дипотношения с Ираном в 2017 г. в ходе Катарского кризиса).

После того как Иран стал участвовать в гражданской войне в Сирии, поддерживая правящий режим Башара Асада, который ССАГЗ

¹⁰ Speech of the Minister of Foreign Affairs in the Manama Dialogue ‘Strategic priorities in the Middle East’ // Kingdom of Bahrain Ministry of Foreign Affairs. 06.12.2014. Available at: <https://www.mofa.gov.bh/Default.aspx?tabid=7824&language=en-US&ItemId=4756> (accessed: 12.10.2021).

называл нелегитимным, в документах Совета сотрудничества обвинения Тегерана во вмешательстве во внутренние дела арабских стран стали носить более жесткий характер. Активная поддержка Ираном таких организаций, как «Хизбалла», и иракских шиитских вооруженных отрядов, оказание помощи йеменским хуситам также вызывали резкую критику со стороны ССАГЗ. Пик этого противостояния пришелся на 2019 год.

Весной 2019 г. положение в регионе Залива обострилось. 12 мая было совершено нападение на четыре нефтяных танкера у берегов ОАЭ. 13 июня подали сигнал бедствия два нефтяных танкера, шедших из Саудовской Аравии в Сингапур и на Тайвань. Руководство судов заявило о повреждениях, произошедших по причине взрывов. Точной информации о случившемся не было, но США обвинили Иран¹¹.

14 мая 2019 г. представители саудовских властей заявили об обстреле двух нефтяных вышек, примыкающих к главному магистральному нефтепроводу страны, который связывает восточные месторождения с портами Красного моря. Саудовская Аравия возложила ответственность на группировку хуситов, поддерживавшихся Ираном, с которой саудовское королевство вело войну с 2015 г.

14 сентября 2019 г. были атакованы нефтяные объекты саудовской нефтяной компании АРАМКО. Для нанесения ударов были использованы беспилотные летательные аппараты и крылатые ракеты. США и саудовское королевство снова возложили вину на Иран¹².

Совет сотрудничества осудил действия Тегерана, нарушающие свободу судоходства в международных водах, угрожающие безопасности нефтяных объектов и транспортировке энергоносителей на мировые рынки¹³.

Опасения арабских стран зоны Залива вызвало и наращивание Ираном его военной мощи — увеличение численности вооруженных

¹¹ Gulf of Oman tanker attacks: What we know // BBC. 18.06.2019. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-48627014> (accessed: 12.09.2021).

¹² ар-Рашид А.Р. Иран миадаля акбар мин ас-Саудийя [Иран более значимая проблема, чем Саудовская Аравия] // аш-Шарк аль-Аусат. 19.09.2019. Доступ: <https://aawsat.com/home/article/1909201/السعودية-من-أكبر-معضلة-إيران/الرائد-الرحمن-عبد> (дата обращения: 18.09.2021).

¹³ Transcript: Closing statement of 41st GCC summit // Al Jazeera. 07.01.2021. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2021/1/7/closing-statement-of-41st-gulf-cooperation-council> (accessed: 12.09.2021).

сил и интенсификация подготовки личного состава. Выделяя всё более значительные средства на производство и закупку современных видов вооружения и военной техники, Иран вместе с тем развивал и собственную военную промышленность, наладив производство ракет, танков и бронетехники.

Серьезные опасения государств — членов ССАГЗ вызывает также иранская ядерная программа. Как отмечали в этой связи российские специалисты, «Иран если и не стремится напрямую к созданию атомной бомбы, то наверняка хочет достичь латентного ядерного статуса за счет приобретения полного набора научно-технических возможностей ее изготовления» [Евсеев, Сажин, 2009: 52].

В ноябре 2011 г. Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) опубликовало подробный отчет о секретной программе Ирана по производству ядерного оружия. Инспекторы МАГАТЭ, обследовавшие иранские ядерные объекты, пришли к выводу, что Иран способен в ближайшем будущем производить ядерное оружие. Это было расценено как грубое нарушение режима ядерного нераспространения. Для соседних с Ираном арабских монархий это означало изменение стратегического баланса сил в регионе, поэтому они активно подключились к международным действиям, направленным на то, чтобы не допустить такого негативного для их национальных интересов развития ситуации, и поддержали санкции, введенные против Ирана в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН.

Подписание 14 июля 2015 г. в Женеве Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), предусматривавшего заморозку иранской ядерной программы в обмен на снятие санкций, было воспринято арабскими монархиями Залива положительно. Однако они высказывали опасения в отношении готовности Ирана выполнить все пункты СВПД. В этой связи на саммите ССАГЗ, проходившем в Эр-Рияде 10 декабря 2015 г., лидеры стран Совета потребовали реализации соглашения в полном объеме (подчеркнув роль МАГАТЭ в инспекции и контроле над соблюдением СВПД), а также введения в срочном порядке санкций в случае нарушения Ираном принятых на себя обязательств. В решениях саммита была подчеркнута необходимость выполнения резолюции Совета Безопасности ООН № 2231, касающейся ядерной программы ИРИ, а также его баллистических ракет и другого вооружения.

Государства ССАГЗ выразили обеспокоенность запуском ракеты средней дальности, осуществленным Ираном 10 октября 2015 г., которая может стать средством доставки ядерного оружия. В ответ монархии Залива вновь подтвердили свое стремление превратить Ближний Восток в зону, свободную от оружия массового уничтожения, отметив при этом право всех государств региона на использование ядерной энергии в мирных целях¹⁴.

После решения США о выходе из ядерной сделки с Ираном в мае 2018 г., которое было поддержано государствами ССАГЗ, члены объединения также скорректировали свои подходы к данной проблеме. С их точки зрения, любые соглашения с Ираном должны носить комплексный характер и включать требования по изменению иранской региональной политики, нарушающей региональную стабильность, а ракетная и ядерная программы ИРИ должны рассматриваться как части единого целого. Страны ССАГЗ также требуют подключения к международным переговорам с Ираном¹⁵.

В заключительном коммюнике саммита в аль-Уле в январе 2021 г. отмечалось, что «Совет сотрудничества полностью отвергает продолжающееся иранское вмешательство во внутренние дела государств — членов этой организации и других государств региона. Он осуждает террористические действия, предпринимаемые Ираном. ССАГЗ выступает против иранской политики, провоцирующей межконфессиональные и межрелигиозные конфликты, которые представляют опасность для региональной и международной безопасности». Главы стран Совета сотрудничества также потребовали от Ирана прекратить поддерживать организации, которые разжигают эти конфликты, и не оказывать финансовую и военную помощь конфессиональным военизированным формированиям и террористическим группировкам. Кроме того, они приветствовали решение США включить Корпус стражей исламской революции в список террористических структур, подчеркнув «важность этого

¹⁴ Final Communiqué of the 36th Session of the Gulf Cooperation Council Supreme Council // The Embassy of the Kingdom of Saudi Arabia. 10.12.2015. Available at: <https://www.saudiembassy.et/statements/final-communiqu%C3%A9-36th-session-gulf-cooperation-council-supreme-council> (accessed: 12.10.2021).

¹⁵ GCC countries demand Iran missile program to be part of nuclear talks // Iran. 17.01.2021. Available at: <https://old.iranintl.com/en/iran-in-brief/gcc-countries-demand-iran-missile-program-be-part-nuclear-talks> (accessed: 12.09.2021).

шага для противодействия данной организации, которая является дестабилизирующим элементом, фактором, способствующим росту региональной напряженности, и инструментом для провоцирования насилия и терроризма на Ближнем Востоке»¹⁶.

Позиция Совета сотрудничества в отношении Ирана была единой, тем не менее подходы отдельных его государств к ее практической реализации подчас достаточно существенно различались. Три страны, входящие в это объединение, — Саудовская Аравия, Бахрейн и ОАЭ — выступали за всемерное ужесточение курса в отношении Ирана, тогда как Катар, Кувейт и Оман были сторонниками поиска компромиссов. Эти различия проявились и в период обострения противоречий между Катаром и его партнерами.

Катарский кризис сквозь призму проблем безопасности

9–10 июня 2012 г. Департамент политического анализа Генерального секретариата ССАГЗ провел заседание и принял документ «Будущее региональных политических отношений в свете подъема исламских течений». Созданный в начале 1990-х годов Департамент политического анализа призван был содействовать тесной координации действий государств ССАГЗ в сфере безопасности и оборонного сотрудничества, а также выработке общей политической линии в отношении вопросов, связанных с развитием ситуации в регионе Залива и арабского мира. В представленном докладе была дана оценка тех изменений, которые произошли в арабских странах в результате «арабской весны». Аналитики Совета сотрудничества пришли к выводу, что «революционные изменения в ряде арабских государств привели к появлению принципиально новой региональной реальности, которая всё еще находится на этапе серьезных трансформаций, далеких от того, чтобы принять окончательную форму». В их докладе подчеркивалось, что «революции “арабской весны” создали другие государства, другие режимы, вызвали к жизни многочисленные движения и течения и изменили региональное соотношение сил». Особое внимание в документе было уделено исламистским течениям, к которым были отнесены: «политический ислам (Братья-мусульмане)», «салафитские течения», «джихадистские группировки» и «суфийские тарикаты». Их влияние значительно возросло, что

¹⁶ Ibid. P. 6.

стало, по мнению авторов доклада, одним из наиболее значимых региональных изменений¹⁷.

При этом, хотя все перечисленные исламистские организации стали объектом пристального внимания ССАГЗ, между его членами возникли разногласия относительно тактики выстраивания отношений с ними. Катар считал необходимым поддерживать контакты со многими из них, особенно наиболее влиятельными. Однако Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн считали такие организации, как «Хизбалла», «Братья-мусульмане» и некоторые другие исламистские структуры, имеющие широкую поддержку в арабском мире, террористическими, угрожающими их национальной безопасности. Эти расхождения привели к возникновению кризиса в отношениях внутри самого ССАГЗ.

Кризис начался 5 марта 2014 г., когда Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн отозвали своих послов из Катара. В своем совместном заявлении они обвинили Доху в невыполнении обязательств по соглашению, касающемуся вопросов безопасности, которое было подписано всеми государствами — членами ССАГЗ в ноябре 2012 г. в Эр-Рияде¹⁸. В заявлении подчеркивалось, что Катар отказывался проводить «единый политический курс», как этого требует устав организации, а также соблюдать подписанные им соглашения. Доха также обвинялась в невыполнении соглашения по безопасности, в котором подтверждался «принцип прямого или косвенного невмешательства во внутренние дела государств, входящих в Совет сотрудничества», и содержалось требование «не поддерживать тех, кто угрожает безопасности и стабильности этих государств, будь то организация или же отдельные личности, которые непосредственно угрожают их безопасности, пытаются оказать политическое давление или же поддерживают враждебную информацию». При этом в том же заявлении указывалось и на то, что Катар прямо взял на себя соответствующие обязательства по реализации соглашения о безопасности, когда эмир этой страны шейх Тамим бен Хамад Аль

¹⁷ Косач Г.Г. «Арабская весна», подъем исламских движений и изменения в системе арабских международных отношений: доклад аналитиков Совета сотрудничества. 2 сентября 2012 г. // Институт Ближнего Востока. Доступ: <http://www.iimes.ru/?p=15424> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁸ Насс аль-баян аль-муштарак [Текст совместного заявления] // аш-Шарк Аль-Аусат. 06.03.2014. Доступ: <http://www.aawsat.com/print.asp?did=763728&issueno=12882> (дата обращения: 20.09.2021).

Тани поставил под ним свою подпись на «тройственном саммите» — совещании, проходившем 23 ноября 2013 г. в Эр-Рияде, участниками которого были также главы Саудовской Аравии и Кувейта¹⁹.

Одна из статей соглашения обязывала все государства, подписавшие его, принимать законодательные меры в отношении преступления, подпадающего под действие национального законодательства, в случае вмешательства его граждан или проживающих на его территории лиц во внутренние дела одного из участников этого соглашения²⁰.

Претензии к Катару были связаны прежде всего с нахождением на его территории видных деятелей движения «Братья-мусульмане», которые вынуждены были бежать из Египта после военного переворота 2013 г. Каир со своей стороны также обвинял Катар во вмешательстве в его внутренние дела.

Бахрейн, имевший с Катаром длительный территориальный конфликт, который был разрешен Гаагским международным судом в 2001 г., выдвинул в отношении Дохи еще одно обвинение, заявив о том, что страна предоставляет гражданство суннитским семьям, имевшим бахрейнское гражданство. Бахрейнские официальные лица утверждали, что катарское гражданство получили и бывшие бахрейнские полицейские, военные и представители спецслужб, в то время как упомянутое соглашение по безопасности запрещало лицам, работавшим в военных ведомствах и службах, обеспечивавших безопасность, менять свое гражданство²¹. Саудовская Аравия и ОАЭ поддерживали требование Бахрейна прекратить практику предоставления катарского гражданства бахрейнцам и оппозиционным деятелям ряда стран ССАГЗ.

В ответ Совет министров Государства Катар опубликовал заявление, в котором высказал «сожаление и удивление» по поводу решения Саудовской Аравии, ОАЭ и Бахрейна «отозвать послов из

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Насс аль-иттифакий аль аманий [Текст соглашения по безопасности] // Аль-Анба, Кувейт. 20.10.2014. Доступ: <https://www.alanba.com.kw/ar/kuwait-news/373501/10-04-2013> (дата обращения: 23.10.2021).

²¹ Аль-Бахрейн тухадид би иттихаз «иджраат муакаса» дида Катар би шаан кадийят «ат-таджнис» [Бахрейн угрожает принятием «ответных мер» против Катара по поводу проблемы «предоставления гражданства»] // аш-Шарк Аль-Аусат. 18.09.2014. Доступ: <http://www.aawsat.com/print.asp?did=787520&issueno=13078> (дата обращения: 20.09.2021).

Дохи», признав существование различий во взглядах с этими странами, но подчеркнув, однако, что имеющиеся между ними разногласия «не касаются проблем Совета сотрудничества». Катар подтвердил свою «приверженность узам братства с народами государств Совета сотрудничества». Он также заверил своих партнеров по ССАГЗ, что будет и в дальнейшем придерживаться принципов, на которых основывается деятельность этой организации. Доха взяла на себя обязательства не нарушать безопасность и стабильность своих партнеров по Совету²². Таким образом, Катар проявил сдержанность. Его позиция свидетельствовала о том, что он считает для себя важным сохранить членство в объединении арабских государств Залива и заинтересован в том, чтобы эта организация успешно развивалась.

На внеочередном саммите 15 ноября 2014 г. в Эр-Рияде по приглашению короля Саудовской Аравии, «Служителя двух Благородных Святынь» Абдаллы бен Абдель Азиза, состоялось примирение, позволившее Катару «вернуться в семью государств Залива». По итогам встречи в Эр-Рияде было принято заявление, где отмечалась «необходимость крепить дух братского взаимодействия, подчеркивать общность судьбы, которую осознают сыны государств Совета сотрудничества, связанных тесными узами взаимодействия»²³. Как было отмечено в заявлении, достижение соглашения о единстве государств — членов ССАГЗ состоялось в сложный период, который переживает Ближний Восток, что «требует прилагать особые усилия и сплотиться ради защиты безопасности и стабильности в регионе»²⁴.

Катар, тем не менее, хотя и выслал некоторых деятелей движения «Братья-мусульмане», продолжал поддерживать с ним связи, что вызывало недовольство ОАЭ и Саудовской Аравии, которые внесли эту структуру в свои списки террористических организаций. Сохранялась и поддержка Катаром ХАМАС и «Хизбаллы», которых

²² Катар: нуасиф ли сахаб суфара Ас-Саудийя ва Аль-Имарат ва Аль-Бахрейн ва аль-карар сабабаху хилафат хавля шуун харидж Маджлис ат-таун [Катар: мы сожалеем об отзыве послов Саудовской Аравии, Эмиратов и Бахрейна, но его причины связаны с разногласиями, не затрагивающими Совет сотрудничества] // Аль-Хайят. 06.03.2014. Доступ: <http://alhayat.com/Articles/9134> (дата обращения: 20.09.2021).

²³ Би рият хадим аль-харамейн — мусалаха тунд Катар иля аль-хадан аль-халиджий [Под покровительством служителя Двух Святынь — примирение вернет Катар в семью государств Залива] // аш-Шарк Аль-Аусат. 17.11.2014. Доступ: <http://www.aawsat.com/print.223311> (дата обращения: 20.09.2021).

²⁴ Ibid. P. 14.

он рассматривал в качестве формирований, оказывавших сопротивление израильской оккупации, что также вызывало недовольство Саудовской Аравии, ОАЭ и Бахрейна.

Как следствие, в июне 2017 г. конфликт с Катаром вспыхнул с новой силой. Те же три государства ССАГЗ — Саудовская Аравия, Бахрейн и ОАЭ, а также еще одна арабская страна, имевшая разногласия с Катаром, Египет, 5 июня разорвали с ним дипломатические отношения. Против него были введены блокада и экономические санкции, которые должны были заставить Катар пойти на выполнение всех предъявленных требований. Однако, несмотря на возникшие экономические трудности, Доха не пожелала идти на какие-либо уступки. В заявлении эмира Катара Тамима бен Хамада Аль Тани говорилось: «Мы отказываемся подчиняться диктату, который навязывается нам с помощью давления и блокады»²⁵.

Катар решительно отверг обвинения в поддержке террористических организаций. Среди списка, состоявшего из 13 пунктов, которые он должен был выполнить для урегулирования кризиса, были такие, которые он отказался даже рассматривать, поскольку их выполнение означало бы ущемление его суверенитета, Конституции или взятых на себя международных обязательств. Это касалось его отношений с Ираном, с которым его связывали экономические интересы, прежде всего в области совместной разработки газовых месторождений. Кроме того, Катар в целом был сторонником нормализации отношений всех арабских государств — членов ССАГЗ с Ираном, считая его одним из ведущих государств Ближнего Востока. Катарское руководство решительно отвергло требование о закрытии телеканала «Аль-Джазира», что означало бы нарушение Конституции страны, гарантирующей свободу слова. К тому же такой влиятельный телеканал, пользующийся международной известностью, был необходим Катару как средство укрепления своего международного престижа. Доха не могла выполнить и требование о закрытии турецкой военной базы, которая была создана в соответствии с двусторонним соглашением, подписанным в 2016 г.

В итоге кризис удалось урегулировать благодаря посредническим усилиям эмира Кувейта Сабаха Аль-Ахмеда Ас-Сабаха, об-

²⁵ Qatari emir condemns 'unjust blockade' in UNGA speech // Al Jazeera. 19.09.2017. Available at: <http://www.aljazeera.com/news/2017/09/qatari-emir-condemns-unjust-blockade-unga-speech170919185253541.html> (accessed: 24.09.2021).

ладавшего значительным опытом дипломатической деятельности и возглавлявшего страну с 2006 по 2020 г. На саммите ССАГЗ в аль-Уле в январе 2021 г. было подтверждено окончание конфликта в отношениях между государствами — членами организации. В заключительном заявлении саммита подчеркивалось, что усилия всех стран ССАГЗ «направлены на сплочение и возвращение к совместной деятельности для поддержания безопасности и стабильности в регионе»²⁶. Свидетельством налаживания отношений с Катаром стали упоминания в совместном заявлении о его достижениях в последние годы. Среди них: подготовка к проведению чемпионата мира по футболу в 2022 г. и международной выставки Экспо-Садоводство со 2 октября 2023 г. по 28 марта 2024 г. В документе также содержалось поздравление Катара в связи с назначением Ахмеда бен Абдаллы Аль-Махмуда, спикера Консультативного совета Катара, председателем Всемирной организации парламентариев против коррупции на период 2019–2021 гг.

В январе 2021 г. были возобновлены полеты между Саудовской Аравией и Катаром и открыты пропускные пункты на границе между двумя странами. Авиасообщение Катара с Бахрейном, ОАЭ и Египтом было также восстановлено. Саудовская Аравия стала первой из государств ССАГЗ, кто принял решение о возобновлении дипломатических отношений с Катаром.

Можно заключить, что в ситуации, когда вопросы обеспечения безопасности объективно требовали укрепления единства рядов Совета сотрудничества, разногласия между его членами, пусть и не разрешенные до конца, с неизбежностью отходили на задний план. Тем более когда к угрозам военного характера добавилась новая, эпидемиологическая угроза, а также обострились экологические проблемы.

Невоенные аспекты безопасности

Пандемия новой коронавирусной инфекции, начавшаяся в 2019 г., охватила и арабские государства, входящие в ССАГЗ, что поставило перед ними задачу усиления совместных действий для борьбы с распространением SARS-CoV-2 и его социально-экономическими последствиями. Речь шла в первую очередь о расширении сотрудничества между медицинскими центрами и учреждениями этих

²⁶ Ibid. P. 6.

государств для противостояния будущим вызовам в сфере здравоохранения. Целью этих мер было сохранение здоровья граждан и всех жителей стран ССАГЗ.

Саммит Совета сотрудничества, проходивший в Саудовской Аравии в городе аль-Уле в январе 2021 г., принял конкретные рекомендации по снижению эпидемиологических угроз безопасности. В частности, он обязал Генеральный секретариат ССАГЗ создать единую базу данных, касающуюся распространения коронавируса в странах — членах объединения, а также подготовить подробный отчет о деятельности, направленной на борьбу с пандемией. Саммит также утвердил создание Центра государств Залива по вакцинации от опасных болезней под эгидой Совета по здравоохранению ССАГЗ²⁷.

Среди невоенных аспектов безопасности Совет сотрудничества также отмечает экологические угрозы, прежде всего проблемы загрязнения окружающей среды, включая возрастающую опасность загрязнения вод Залива.

Актуальной для государств ССАГЗ является и водная безопасность. Нехватка источников пресной воды создает проблемы для экономического развития этих стран. Для координации действий в этой области на саммите в аль-Уле было решено принять единые законодательные меры по развитию и использованию ресурсов пресной воды²⁸.

* * *

Как показало проведенное исследование, военно-политические аспекты безопасности по-прежнему занимают центральное место в деятельности Совета сотрудничества. В его концепции обеспечения безопасности основное внимание уделяется защите государств-членов от возможного нападения, от действий террористических и радикальных группировок, а также недопущению эскалации региональной напряженности. Государства-члены прилагают усилия по развитию и расширению военного сотрудничества в рамках организации, а также по сохранению отношений в сфере обеспечения безопасности со своими стратегическими союзниками, среди которых главенствуют США.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ibidem.

Для ССАГЗ главной угрозой национальной безопасности его членов, а также региональной безопасности на Ближнем Востоке видится агрессивная политика Ирана. По мере того как Тегеран всё активнее участвует в делах региона, отношение к нему со стороны Совета сотрудничества становится всё более бескомпромиссным. Обвинения в поддержке террористических и радикальных группировок, действующих на Ближнем Востоке, в разжигании межконфессиональной розни, во вмешательстве во внутренние дела арабских государства постоянно фигурируют в официальных документах ССАГЗ.

Особое беспокойство членов этой организации вызывают ядерная программа Ирана и связанная с ней ракетная программа. Государства ССАГЗ выступают за ужесточение требований по иранскому ядерному доосье со стороны мирового сообщества. Они также считают необходимым стать участниками переговоров между Ираном и государствами, выступающими в качестве международных посредников.

Совет сотрудничества рассматривает в качестве одного из главных результатов «арабской весны» усиление влияния исламистских организаций различного толка. Эта общая оценка, тем не менее, не исключает различий в политике отдельных государств-членов. Катар посчитал необходимым поддерживать контакты с такими организациями, как движение «Братья-мусульмане», «Хизбалла» или ХАМАС, тогда как Саудовская Аравия, Бахрейн и ОАЭ квалифицировали их в качестве террористических, угрожающих их национальной безопасности. Это стало причиной Катарского кризиса. Первая его фаза, пришедшаяся на 2014 г., не была длительной и завершилась благодаря сдержанной позиции Катара. Вторая фаза, начавшаяся в 2017 г., была более жесткой, так как противостоящие Дохе в Совете сотрудничестве государства, к которым примкнул Египет, приняли против него меры и дипломатического, и экономического характера. Кризис был разрешен только в начале 2021 г. Ключевую роль при этом, как представляется, сыграла именно общая заинтересованность всех членов ССАГЗ в коллективных действиях, направленных на обеспечение региональной безопасности.

В то же время можно предположить, что начало пандемии коронавируса, охватившей весь мир в 2020 г., которая уже поставила перед ССАГЗ задачу укрепления сотрудничества в сфере здравоохранения, будет способствовать усилению внимания со стороны государств-членов к различным невоенным угрозам безопасности, в том числе эпидемиологическим и экологическим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. аль-Малик А.А. Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя фи миат амм [Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия за сто лет]. Эр-Рияд: Министерство иностранных дел, 2006. (На араб.)
2. Барановский В.Г., Наумкин В.В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 3. С. 5–19. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-5-19.
3. Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Под ред. В.В. Наумкина, В.В. Попова, В.А. Кузнецова. М.: ИВ РАН, 2012.
4. Евсеев В.В., Сажин В.И. Иран, уран и ракеты. М.: Институт Ближнего Востока, 2009.
5. Кожанов Н.А. Иран в поисках своего места в международных отношениях // *Ближний Восток. Политика и идентичность* / Под ред. И.Д. Звягельской. М.: Аспект Пресс, 2020. С. 235–243.
6. Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М.: ИВ РАН, 2015.
7. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: трансформация власти и политики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 4. С. 59–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-67.
8. Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских государств Залива как региональная военно-политическая организация // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2012. № 4. С. 39–69.
9. Мелкумян Е.С. История арабских стран. Государства Залива в XX — начале XXI в. М.: Юрайт, 2018.
10. Мелкумян Е.С. История государств Арабского залива в XX — начале XXI в. М.: ИВ РАН, 2016.
11. Мелкумян Е.С. Регион Залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество. М.: ИВ РАН, Институт Ближнего Востока, 2008.
12. Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских государств Залива: история, ключевые достижения и перспективы развития // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2019. Т. 11. № 1. С. 108–137.
13. Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских государств Залива: концептуальные основы обеспечения безопасности // *Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации: Материалы международной конференции*. Москва, 15 октября 2012 г. / Науч. ред. С.А. Панарин, Д.И. Польшванный. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2013. С. 166–173.

14. Abozaid A.M. Bitter years: Qatari crisis and the future of GCC countries // Contemporary Arab Affairs. 2020. Vol. 13. No. 4. P. 108–137. DOI: 10.1525/caa.2020.13.4.108.
15. Adler E., Barnett M. Security communities. Cambridge Studies in International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
16. Butterfield H. History and human relations. London: Collins, 1951.
17. Glaser C.L. The security dilemma revisited // World Politics. 1997. Vol. 50. No. 1. P. 171–201.
18. Herz J. Political realism and political idealism: A study in theories and realities. Cambridge: Cambridge University Press, 1951.
19. The international politics of the Persian Gulf / Ed. by M. Kamrava. New York: Syracuse University Press, 2011.
20. Jervis R. Perception and misperception in international politics. Princeton: Princeton University Press, 1976.
21. Kamrava M. The changing international relations of the Persian Gulf // The international politics of the Persian Gulf / Ed. by M. Kamrava. New York: Syracuse University Press, 2011. C. 1–20.
22. Katz M. The Gulf and the great powers: Evolving dynamics // Middle East Policy. 2017. Vol. 24. No. 2. P. 102–109. DOI: 10.1111/mepo.12271.
23. Kingdom of Saudi Arabia. One hundred years in the service of Arabs and Arab affairs. Beirut: Dar al-Liwaa for Press and Publishing. 2002.
24. Lawson F.H. Security dilemma in the contemporary Persian Gulf // The international politics of the Persian Gulf / Ed. by M. Kamrava. New York: Syracuse University Press, 2011. P. 50–71.
25. Tang S. The security dilemma: A conceptual analysis // Security Studies. 2009. Vol. 18. No. 3. P. 587–623. DOI: 10.1080/09636410903133050.

REFERENCES

1. al-Malik A.A. 2007. *Al-Mamlaka al-Arabiya al-Saudiya fi mia amm. al-Siyasa al-kharidjiya* [Kingdom of Saudi Arabia in a hundred years. Foreign policy]. Riyadh, Ministry of Foreign Policy. (In Arabic.)
2. Baranovskii V.G., Naumkin V.V. 2018. Blizhnii Vostok v menyayushchemsya global'nom kontekste: klyuchevye trendy stoletnego razvitiya [The Middle East in a changing global context: The key trends of centennial development]. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no. 3, pp. 5–19. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-5-19. (In Russ.)
3. Naumkin V.V., Popov V.V., Kuznetsov V.A. (eds.). 2012. *Blizhnii Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiya: chto dal'she?* [The Middle East, Arab awakening and Russia: What comes next?]. Moscow, IV RAN Publ. (In Russ.)
4. Evseev V.V., Sazhin V.I. 2009. *Iran, uran i rakety* [Iran, uranium and missiles]. Moscow, Institute of Middle Eastern Studies Publ. (In Russ.)

5. Kozhanov N.A. 2020. Iran v poiskakh svoego mesta v mezhdunarodnykh otnosheniyyakh [Iran in search for its place in international relations]. In: Zvyagelskaya I.D. (ed.). *Blizhnii Vostok. Politika i identichnost'* [The Middle East: Politics and identity]. Moscow, Aspekt Press Publ., pp. 235–243. (In Russ.)
6. Naumkin V.V., Malysheva D.B. (eds.). 2015. *Konflikty i voiny XXI veka. Blizhnii Vostok i Severnaya Afrika* [Conflicts and wars of the XXI century. The Middle East and Northern Africa]. Moscow, Institute of Middle Eastern Studies Publ. (In Russ.)
7. Kosach G.G. 2019. Saudovskaya Araviya: transformatsiya vlasti i politiki [Saudi Arabia: Transformation of power and policy]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 4, pp. 59–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-67. (In Russ.)
8. Kosach G.G., Melkumyan E.S. 2012. Sovet sotrudnichestva arabskikh gosudarstv Zaliva kak regional'naya voenno-politicheskaya organizatsiya [The Gulf Cooperation Council as a regional military-political organization]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no. 4, pp. 39–69. (In Russ.)
9. Melkumyan E.S. 2018. *Istoriya arabskikh stran. Gosudarstva Zaliva v XX — nachale XXI v.* [History of the Arab countries. The Gulf states in the 20th and the beginning of the 21st century]. Moscow, Yurait Publ. (In Russ.)
10. Melkumyan E.S. 2016. *Istoriya gosudarstv Arabskogo zaliva v XX — nachale XXI v.* [History of Arab Gulf states in the 20th and the beginning of the 21st century]. Moscow, Institute of Oriental Studies Publ. (In Russ.)
11. Melkumyan E.S. 2008. *Region Zaliva: konflikty, kompromissy, sotrudnichestvo* [The Gulf region: Conflicts, compromises, cooperation]. Moscow, Institute of Oriental Studies, Institute of Middle Eastern Studies Publ. (In Russ.)
12. Melkumyan E.S. 2019. Sovet sotrudnichestva arabskikh gosudarstv Zaliva: istoriya, klyuchevye dostizheniya i perspektivy razvitiya [The Cooperation Council for the Arab States of the Gulf: History, key achievements and development prospects]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 11, no. 1, pp. 108–137. (In Russ.)
13. Melkumyan E.S. 2013. Sovet sotrudnichestva arabskikh gosudarstv Zaliva: kontseptual'nye osnovy obespecheniya bezopasnosti [The Gulf Cooperation Council of the Arab States: Conceptual bases for ensuring security]. In: Panarin S.A., Polyvyannyi D.I. (eds.). *Bezopasnost' na Zapade, na Vostoke i v Rossii: predstavleniya, kontseptsii, situatsii: materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Security in the West, East and Russia: Views, concepts, and situations: Conference proceedings]. Ivanovo, Ivanovo University Publ., pp. 166–173. (In Russ.)
14. Abozaid A.M. 2020. Bitter years: Qatari crisis and the future of GCC countries. *Contemporary Arab Affairs*, vol. 13, no. 4, pp. 108–137. DOI: 10.1525/caa.2020.13.4.108.
15. Adler E., Barnett M. 1998. *Security communities*. Cambridge, Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511598661.

16. Butterfield H. 1951. *History and human relations*. London, Collins.
17. Glaser C.L. 1997. The security dilemma revisited. *World Politics*, vol. 50, no. 1, pp. 171–201.
18. Herz J. 1951. *Political realism and political idealism: A study in theories and realities*. Cambridge, Cambridge University Press.
19. Kamrava M. (ed.). 2011. *The international politics of the Persian Gulf*. New York, Syracuse University Press.
20. Jervis R. 1976. *Perception and misperception in international politics*. Princeton, Princeton University Press.
21. Kamrava M. 2011. The changing international relations of the Persian Gulf. In: Kamrava M. (ed.). *The international politics of the Persian Gulf*. New York, Syracuse University Press, pp. 1–20.
22. Katz M. 2017. The Gulf and the great powers: Evolving dynamics. *Middle East Policy*, vol. 24, no. 2, pp. 102–109. DOI: 10.1111/mepo.12271.
23. *Kingdom of Saudi Arabia. One hundred years in the service of Arabs and Arab affairs*. 2002. Beirut, Dar al-Liwaa for Press and Publishing.
24. Lawson F.H. 2011. Security dilemma in the contemporary Persian Gulf. In: Kamrava M. (ed.). *The international politics of the Persian Gulf*. New York, Syracuse University Press, pp. 50–72.
25. Tang S. 2009. The security dilemma: A conceptual analysis. *Security Studies*, vol. 18, no. 3, pp. 587–623. DOI: 10.1080/09636410903133050.

Статья поступила в редакцию 18.06.2021; одобрена после рецензирования 29.07.2021; принята к публикации 28.10.2021.

The paper was submitted 18.06.2021; approved after reviewing 29.07.2021; accepted for publication 28.10.2021.